Анатолий Шигапов

Пять колес
Уральский характер

Анатолий Шигапов

Пять колес Уральский характер

https://litres.ru/73740104
SelfPub; 2026

Аннотация

Пять поколений. Четыре ведущих колеса. Одно запасное, готовое в любой момент продолжить путь.

1946 год. Свердловск. Рабочий Уралмаша Андрей попадает на первый в истории страны хоккейный матч. Его команда проигрывает 1:5, но он произносит: Это навсегда. С этого дня начинается история семьи, которая будет передавать любовь к хоккею, как эстафетную палочку, от отца к сыну.

Пять колёс - роман не только о хоккее. Это книга о памяти, о связи времён, о том, как вера одного человека становится судьбой целой семьи. О том, что настоящее чудо - это когда запасное колесо готово стать ведущим.

Анатолий Шигапов
Пять колес
Уральский характер

Посвящение

Светлой памяти тех, кто стоял на трибунах в мороз и в стужу, кто ездил в Курганово на электричках, кто верил, когда верить было не во что, кто передал эту веру своим детям, внукам и правнукам, – посвящается эта книга.

Всем, кто знает: хоккей – это не игра.

Это жизнь.

И тем, кто ещё выйдет на лёд новой арены и продолжит наш путь.

Обращение к читателю

Эта книга – о вере. Не о той, что требует доказательств, а о той, что живёт в сердце вопреки всему. О вере, которую передают из поколения в поколение, как эстафетную палочку, как семейную реликвию.

Перед вами история пяти поколений одной семьи. Почему пять? Потому что у машины есть четыре ведущих колеса – и одно запасное. Четыре колеса ведут машину вперёд, а запасное всегда наготове. Оно не пылится в багажнике бесполезным грузом – оно ждёт своего часа, чтобы встать на место

того, кто устал, кто прокололся, кто прошёл слишком много. Оно готово в любой момент продолжить движение.

Так и в нашей семье. Андрей, Сергей, Владимир, Дмитрий – четыре ведущих колеса. Каждый из них вёл свой путь: кто-то стоял на первом матче 1946 года, кто-то кричал «6:0» в Москве, кто-то мёрз в Курганово, кто-то дождался новой арены. А запасное колесо – Артём. Пятое поколение. Тот, кто ещё не вышел на эту дорогу ведущим, но готов выйти в любую минуту.

А почему в книге девять глав? Потому что девять – число, которое в хоккее носит самый сильный. Девятый номер – нападающий, лидер, тот, на кого равняются. Девять – это полный матч: три периода по двадцать минут, тридцать игроков в заявке, девять месяцев сезона. Девять – это завершённость, но не конец. Девять – это последний шаг перед десятым, перед новой высотой. Девять глав – это девять этапов пути, который прошла семья, прежде чем выйти на лёд новой арены. От 1946-го до 2026-го. От программки, вырезанной из газеты, до светодиодного табло. От первого матча, проигранного 1:5, до мечты о Кубке.

Машина не может ехать без колёс. Если одно ломается, на его место становится запасное. И дорога продолжается.

Это история не только одной семьи. Это история тысяч семей, для которых хоккей стал не просто спортом, а частью жизни, её измерением, её пульсом. Рассказ о том, как люди стояли на трибунах в лютый мороз, когда команда была

на дне турнирной таблицы, и продолжали верить. Как учили детей: «Если не верить, то и болеть незачем». Как проходили сквозь годы безвременья, смены названий, переезды, чтобы однажды оказаться на новой арене и сказать: «Мы дождались».

Здесь нет выдуманных героев – есть собирательные образы тех, кто составлял душу уральского хоккея. Тех, кто выходил на лёд, кто тренировал, кто лечил, кто вёл за собой. И тех, кто сидел на трибунах – самых верных, самых стойких.

Я просто хочу, чтобы вы почувствовали ту самую связь, которая делает нас сильнее. Связь между прошлым и будущим, между отцами и детьми, между городом и его командой. Связь, которую не прервать, пока есть запасное колесо, готовое встать на место.

Особая признательность – ветеранам свердловского-екатеринбургского хоккея. Всем, кто носил свитер с гербом нашего города в разные годы, под разными вывесками. Всем, кто не уходил с лёда до конца. Всем, кто верил.

И спасибо вам, читатель. За то, что взяли эту книгу в руки. Возможно, вы узнаете в её героях себя, своих близких, своих соседей по трибуне. А если нет – что ж, тогда это просто история о том, как важно не сдаваться.

Потому что пока мы помним – команда живёт. Пока мы верим – мы непобедимы. Пока запасное колесо готово стать ведущим – дорога продолжается.

С верой в победу,

Анатолий Шигапов

Пролог. Пять колёс

Екатеринбург, 27 января 2026 года. УГМК-Арена, за два часа до матча с «Трактором».

Артёму восемь лет, но он уже знает: хоккей – это не игра. Хоккей – это когда дед Дмитрий ведёт его за руку по длинному коридору новой арены, и шаги отдаются гулким эхом в бетонных стенах. Это когда воздух пахнет свежим льдом и машинным маслом, а из раздевалок доносится приглушённый гул голосов. Это когда на ледовой глади, ещё чистой и нетронутой, отражаются софиты, и кажется, что сейчас оттуда выйдут все те, кого Артём знает только по фотографиям на стене в дедовой квартире.

Артём идёт, стараясь попадать ногой в след деда, хотя это трудно – у деда шаг шире. Дмитрий не торопится, он словно даёт внуку время запомнить это место. Сам Дмитрий помнит здесь каждую трибуну, каждую дверь. Он был на этой арене ещё до того, как её достроили, – приходил с отцом Владимиром, когда тут только начинали заливать лёд. Тогда пахло бетонной пылью и свежей краской, а теперь – чистотой и ожиданием.

– Деда, а правда, что наш прапрадед видел самый первый матч? – спрашивает Артём, когда они останавливаются у борта.

Дмитрий смотрит на внука. Восемь лет – возраст, когда

вопросы становятся серьёзными. Ещё год назад Артём просто слушал рассказы, раскрыв рот, а теперь хочет понять, как это связано с ним.

– Правда, – отвечает Дмитрий. – Его звали Андрей. Он работал на «Уралмаше» и в 1946 году попал на первый хоккейный матч в истории страны. Наша команда тогда называлась ОДО, и они играли в Москве с ЦДКА. Проиграли 1:5, но прапрадед Андрей сказал: «Это навсегда». И сдержал слово.

– А ты видел тот матч, когда мы ЦСКА разбили 6:0?

– Не я. Мой отец, твой прадед Владимир. Ему тогда было двадцать лет. Он рассказывал, что в Свердловске никто не верил в победу, а они приехали в Москву и выиграли у самой сильной команды мира. Это был 1968 год. С тех пор тот счёт – 6:0 – стал нашей визитной карточкой.

Артём кивает, хотя, возможно, не до конца понимает, что значит «визитная карточка». Он смотрит на лёд, и ему кажется, что сейчас оттуда выйдут те, о ком рассказывал дед. Андрей, Сергей, Владимир… Все они здесь, на этой арене. Потому что они никогда не уходили.

– А мы сегодня выиграем? – спрашивает Артём.

– Должны, – отвечает Дмитрий. – У нас новая арена, хорошая команда. Сегодня играем с «Трактором». В прошлый раз, 5 января, мы их обыграли 2:0. Будем надеяться, что повторим.

Артём улыбается. Он ещё не знает, что через много лет сам будет выходить на этот лёд в свитере «Автомобилиста».

Но его дед знает. Дмитрий смотрит на внука и видит в нём то же, что видел его отец в нём, а дед – в отце. Непрерывность.

Пять поколений. Пять колёс, которые ведут машину вперёд. И запасное колесо – всегда готовое стать ведущим.

Часом позже. Раздевалка гостей.

Дмитрий не может видеть, что происходит в раздевалке «Трактора», но он знает этот ритуал. Он сам когда-то, ещё мальчишкой, пробирался в коридоры старого Дворца спорта, чтобы услышать, как стучат клюшки перед матчем. Теперь он стоит у входа в ложу прессы, держит внука за руку и смотрит на часы.

– Деда, а ты сам играл в хоккей? – вдруг спрашивает Артём.

Вопрос застаёт Дмитрия врасплох. Он молчит несколько секунд, и в голове проносятся обрывки: Курганово, открытый каток, тренер, который сказал ему: «Ростом не вышел». И отец, который потом сидел на кухне и молчал, потому что знал, как больно.

– Играл, – говорит Дмитрий. – Но не в большой хоккей. Так, во дворе.

– А почему не в большой?

– Не получилось. Но это не важно. Важно, что я всегда был с командой.

Артём, кажется, не до конца удовлетворён ответом, но кивает. Ему сейчас важнее другое: он слышит, как на арене начинает собираться народ. Гул голосов нарастает, прокатыва-

ется под сводами. Артём отпускает дедову руку и бежит к выходу на трибуны, чтобы увидеть, как заливается свет, как выходят на лёд игроки на разминку.

Дмитрий остаётся на мгновение один. Он достаёт из внутреннего кармана куртки старую программку – пожелтевшую, с выцветшими буквами. «ЦДКА – ОДО. 22 декабря 1946 года». Её когда-то привёз из Москвы прадед Андрей, потом она перешла к Сергею, потом к Владимиру. А теперь – к нему.

Он гладит бумагу пальцами, чувствуя подушечками шероховатость времени.

– Мы здесь, – шепчет он. – Мы все здесь.

В это же время. У мемориальной доски в фойе арены.

Владимиру, отцу Дмитрия, восемьдесят шесть лет. Он уже не может стоять долго, но сегодня он пришёл. Он опирается на трость, и сын поддерживает его под локоть. Перед ними – бронзовая табличка с именами ветеранов свердловского хоккея. Среди них – Сергей, его отец. Не игрок, не тренер, а просто болельщик. Но его имя выбито здесь по решению фанатов, которые помнят, кто стоял у истоков.

– Пап, – говорит Дмитрий. – Мы пришли.

Владимир молчит. Он смотрит на табличку, и ему кажется, что сейчас оттуда выйдет отец – молодой, в кепке, с вечно зажатой в зубах папиросой. Он вспоминает, как в 1968-м они ехали в Москву в плацкартном вагоне, как мёрзли на трибуне, как кричали «Шайбу!» до хрипоты. Как потом, вер-

нувшись, отец не спал всю ночь, а сидел на кухне и писал что-то в тетрадку. Тетрадка та сохранилась. Там было: «Мы показали им, что такое Урал».

– Я не думал, что доживу до такого дворца, – говорит Владимир голосом, в котором слышится хрипота старого металлиста. – При нашей-то жизни…

– Дожили, пап, – Дмитрий улыбается. – И не только до дворца. До КХЛ, до полуфинала, до всего.

– До всего, – повторяет Владимир. – А помнишь Курганово?

– Как забыть.

– Тогда казалось – конец. Лёд растаял, команда уехала, никто не верил. А мы с тобой ездили. Мёрзли, но ездили.

– Ты говорил: «Дождёмся».

– Дождались.

Владимир переводит взгляд на табличку, потом на трибуны, которые уже заполняются народом. Ему кажется, что на самых верхних рядах он видит отца. И деда. И всех, кто когда-то стоял здесь, на старом стадионе, в мороз, под снегом.

– Пойдём, – говорит он. – Пора на место.

Трибуна, третий ряд, красная линия.

Артём уже сидит, нетерпеливо болтая ногами. Рядом с ним – отец, Дмитрий, и дед Владимир, которого внук называет «деда Володя». Места в третьем ряду – их семейное, переходящее от поколения к поколению. Когда-то здесь сидел Андрей, потом Сергей, потом Владимир, потом Дмит-

рий. Теперь – Артём.

– Смотри, – говорит Дмитрий, показывая на лёд. – Наши выходят.

«Автомобилист» выкатывается на разминку. Зелёные свитера, быстрые движения, шайбы шлёпаются о борта. Артём вскакивает, начинает хлопать. Владимир сидит, положив руки на трость, и улыбается. Он уже плохо видит, но он чувствует эту энергию.

– Вон капитан, – говорит Дмитрий Артёму. – Видишь, номер семнадцать.

– А он сильный?

– Сильный. Как все наши.

Артём смотрит, затаив дыхание. Ему кажется, что он видит не просто игроков, а тех самых героев из рассказов. Пучкова, Шевелева, Субботина… Все они здесь, в этом льде, в этом воздухе.

– Деда Володя, – вдруг говорит он, поворачиваясь к Владимиру. – А ты веришь, что мы когда-нибудь выиграем Кубок?

Владимир смотрит на внука. Восемь лет – возраст, когда вопросы становятся серьёзными. Он вспоминает себя в этом возрасте, когда отец брал его на стадион «Динамо» и показывал на лёд.

– Верю, – говорит он. – Не знаю, когда. Может, через год, может, через десять. Но выиграем.

– А ты будешь на трибуне?

Владимир молчит. Он знает, что, скорее всего, не будет. Но он смотрит в глаза внуку и говорит:

– Буду. Ты меня посадишь.

Артём улыбается, поворачивается к отцу и деду Дмитрию.

– Тогда давайте обещаем, – говорит он серьёзно. – Что когда «Автомобилист» возьмёт Кубок, мы все будем здесь. Вместе.

Дмитрий и Владимир переглядываются.

– Обещаем, – говорит Дмитрий.

– Обещаю, – шепчет Владимир.

Артём протягивает руку ладошкой вверх. Дмитрий кладёт свою ладонь, Владимир – сверху. Три поколения, три руки, одна команда.

За минуту до матча.

По арене прокатывается гул. Свет гаснет, и только лёд остаётся залитым холодным сиянием. На табло – обратный отсчёт. Артём замирает, сжимая край кресла.

– Сейчас, – говорит Дмитрий.

Голос диктора объявляет составы. Когда называют фамилии игроков «Автомобилиста», трибуны взрываются. Владимир не слышит половины имён, но он чувствует, как вибрирует воздух. Он закрывает глаза на секунду, и ему кажется, что он слышит тот же гул, что и в 1968-м в Москве. Тот же самый. Неизменный.

– Начинается, – говорит он.

Шайба падает на лёд. Свисток. И время, которое всегда

казалось неумолимым, вдруг останавливается, чтобы начаться заново.

Мысль, пронесшаяся в голове Владимира, когда он смотрит на внука:

Пять колёс. Андрей, Сергей, я, Дмитрий, Артём. Пять колёс, которые ведут эту машину. Я был третьим. Я видел 6:0, я видел Курганово, я видел эту новую арену. А Артём увидит больше. Он увидит Кубок. Я в это верю. Потому что если не верить, то и болеть незачем.

Глава 1. Приказ из Москвы

Из протокола заседания спорткомитета Свердловской области от 15 января 1947 года:

«Слушали: о развитии канадского хоккея в области. Постановили: организовать при стадионе «Динамо» секцию по хоккею с шайбой. Обязать начальника штаба УрВО тов. Козлова обеспечить команду ОДО инвентарём и ледовой площадкой. Одобрить инициативу рабочих завода «Уралмаш» по созданию общества болельщиков».

Свердловск, октябрь – декабрь 1946 года

В ту субботу Анна, жена Андрея, проснулась от того, что муж ворочался на лежанке. За окном барака на окраине Свердловска ещё стояла темень, и лишь редкие огоньки Уралмаша светили сквозь мутное стекло. Спать в такую рань не хотелось, но и вставать было некуда – до завода ещё три часа.

– Спи, – прошептал Андрей, хотя сам уже натягивал портки. – Сегодня смена короткая, а потом я на стадион.

– Опять? – Анна приподнялась на локте, кутаясь в шерстяной платок. – Андрей, ты вчера целый вечер чертил эти… клюшки. Тебе бы отдохнуть. Заводская норма упала, начальник цеха уже косится.

– Не начхать мне на норму, – Андрей говорил тихо, но жёстко. Он стоял у печки, надевая залатанную гимнастёрку. – Ты думаешь, я для забавы? Канадский хоккей, говорят, будет главным спортом. Я должен это увидеть. Мы должны это увидеть.

Он наклонился и поцеловал жену в лоб. От него пахло мазутом и табаком – запахи, которые пропитали их комнату насквозь, въелись в деревянные стены и тряпки. Анна вздохнула. Она знала этот блеск в его глазах. Так он смотрел только на чертежи новых машин, которые привозили с завода, а теперь – на кусок резины, который его друг Коптелов вырезал из старой автомобильной камеры.

– Смотри, не простудись, – сказала она, протягивая ему краюху хлеба, завернутую в тряпицу. – И если этот твой хоккей нас разорит… я не знаю…

Он уже не слышал. Хлопнула дверь, и Анна осталась одна в тишине. Подошла к окну, проводила взглядом его фигуру, быстро исчезающую в предрассветном тумане. Она не знала, что этот день станет началом истории, которую будут рассказывать их правнуки. Она просто молилась, чтобы муж

вернулся домой не с пустыми руками, а с той самой верой, которая грела их в войну.

Известие пришло в штаб Уральского военного округа серым октябрьским утром. Город только просыпался, заводские гудки ещё не успели разорвать тишину, когда курьер, замерзший в кожаном пальто, проскочил через проходную и, мелькнув перед дежурным, скрылся в коридорах штаба. В руках он держал пакет, запечатанный сургучной печатью, с грифом «Совершенно секретно».

Генерал-майор Александр Петрович Козлов, начальник штаба округа, сидел за столом, изучая оперативные сводки. Война кончилась год назад, но привычка вникать в каждую бумагу осталась. Он взял пакет, сломал сургуч, развернул плотную бумагу. Верхним листом шло предписание из Москвы, подписанное заместителем министра обороны. Суть была короткой: в кратчайшие сроки сформировать хоккейную команду для участия в первом чемпионате СССР по канадскому хоккею.

Козлов нахмурился. Он вспомнил, как в молодости, ещё до революции, гонял мяч по льду пруда в родной Рязани. Но то был русский хоккей – с мячом, с широкими клюшками, с десятком игроков. Канадский же, с шайбой, был для него terra incognita. Однако приказ есть приказ.

Он вызвал адъютанта:

– Пригласите ко мне капитана Созинова. Михаила Ивановича.

Капитан Михаил Созинов, тридцати пяти лет, прошедший войну от Сталинграда до Берлина, командовавший ротой и получивший два ордена, сейчас тренировал футбольную команду округа. Зимой, по давней традиции, его подопечные переходили на хоккей с мячом – бенди, который здесь, на Урале, любили не меньше, чем в Москве.

Он пришёл через десять минут, подтянутый, в гимнастёрке с орденскими планками. Козлов протянул ему бумаги.

– Читайте.

Созинов пробежал глазами текст. Первый чемпионат СССР по канадскому хоккею. Старт 22 декабря. Команды ЦДКА, «Динамо», «Спартак», «Крылья Советов» уже сформированы. Уральскому военному округу предписывается выставить команду ОДО – Окружного дома офицеров. Срок подготовки – полтора месяца.

– Товарищ генерал-майор, – Созинов поднял глаза. – Мы никогда не играли в канадский хоккей. У нас нет ни инвентаря, ни льда, ни даже представления о правилах. Я видел в кинохронике, как играют канадцы – быстро, жёстко, с маленькой шайбой. Но как это перенести на лёд…

– Я знаю, – Козлов встал, подошёл к карте, висевшей на стене. – Но Москва не ждёт. Вы слышали о решении? Хоккей с шайбой становится официальным видом спорта. ЦДКА, «Динамо» уже тренируются. Нам нельзя отставать. Вас назначают ответственным за формирование команды. Вопросы?

– Когда должен быть готов состав?

– Через неделю список. Через месяц – выезд в Москву. Первый матч с ЦДКА 22 декабря.

Созинов молчал. В голове проносились обрывки информации: он видел в кинохронике, как играют канадцы. Но он был офицером и знал: приказы не обсуждаются.

– Будет сделано, товарищ генерал-майор.

– Вольны. Свяжитесь с начальником складов, инвентарь обещали прислать из Москвы к декабрю. Пока – изучайте теорию.

Созинов вышел из кабинета, держа в руках папку с правилами. На лестнице он остановился, прислонился к перилам. Полтора месяца. Ни клюшек, ни коньков, ни шайб. Только листы бумаги и вера в то, что уральцы способны на всё.

В тот же вечер Созинов собрал футболистов в спортзале. Их было двадцать три человека – бывшие фронтовики, заводские рабочие, курсанты военных училищ. Большинство из них играли в русский хоккей с детства, гоняли мяч по замёрзшим прудам и заводским дворам. Но канадский хоккей был для них неизведанной землёй.

Среди них выделялся Феоктист Коптелов. Коренастый, с цепкими руками и вечно щурящимися глазами, он работал на Уралмаше, в свободное время играл в футбол и хоккей с мячом. В армию его призвали в сорок пятом, и теперь он служил в роте охраны штаба. Но главное, что отличало его от других, – на фронте он был разведчиком, прошёл с боями

от Курской дуги до Берлина, получил тяжёлую контузию под Кёнигсбергом. После войны врачи запретили ему тяжёлые нагрузки, но хоккей стал для него тем самым лекарством, которое возвращало к жизни.

Созинов вышел к доске, на которой мелом был набросан план хоккейной коробки.

– Товарищи, – начал он. – Получен приказ: сформировать хоккейную команду для участия в первом чемпионате СССР. Играть будем по новым правилам – канадский хоккей, с шайбой.

В зале повисла тишина. Потом кто-то из задних рядов спросил:

– А что, русский хоккей отменяют?

– Не отменяют. Но канадский – это будущее. Играют пять на пять, шайба маленькая, клюшки короче. Скорость выше, жёсткость выше. Правила – вот они, – Созинов поднял папку. – Будем изучать.

Коптелов поднялся с лавки.

– Товарищ капитан, а шайба она какая? Тяжёлая?

– Чёрная, резиновая. Весом около двухсот граммов. Скорость при броске может достигать ста километров в час.

– Ого, – Коптелов присвистнул. – Это не мяч.

– Поэтому и нужна защита. Нам обещают шлемы, нагрудники. Но пока – учим теорию.

Созинов раздал каждому по листку с правилами. Игроки хмурились, перелистывали, задавали вопросы. Что та-

кое вбрасывание? Как фиксируется проброс? Почему нельзя отдавать пас через две линии? Созинов отвечал, объяснял, иногда сам путался и возвращался к тексту.

Так начались их тренировки. Не на льду – на полу спортзала, на гимнастических матах, застеленных листами фанеры. Инвентаря не было, но Созинов достал несколько старых клюшек от русского хоккея, обрезал крюки, чтобы они напоминали канадские. Коньки – свои, беговые, с длинными лезвиями – тоже не годились, но другого не было.

– Представьте, что вы на льду, – говорил Созинов. – Ведёте шайбу, обходите защитника, бросаете.

Игроки катали по фанере кусок резины, который кто-то вырезал из старой камеры. Это была жалкая имитация, но других возможностей не существовало.

Коптелов быстрее других освоил новое движение – он умел держать клюшку так, чтобы шайба слушалась. Созинов заметил это и начал ставить его в пример.

– Смотрите, как Феоктист работает. Локоть прижат, кисть мягкая. Не тыкайте клюшкой, ведите.

Коптелов, смущаясь, повторял упражнение. Ему нравилось это новое чувство – когда чёрный резиновый кругляш словно прирастает к крюку. Он мечтал о настоящей шайбе, о настоящем льде. Но пока приходилось довольствоваться фанерой.

Андрей, который не был игроком, но часто приходил на тренировки вместе с Коптеловым (они работали в одном це-

хе), стоял у стенки и смотрел. Он не умел играть, но чувствовал: здесь рождается что-то важное. Вечером, возвращаясь домой, он рассказывал Анне:

– Они там резину гоняют, как сумасшедшие. А Созинов кричит, чтобы не тыкали. Я думаю, у них получится.

– А тебе-то что? – ворчала Анна, укачивая маленького Серёжу, которому ещё не исполнилось и двух лет. – Ты на заводе работаешь, а не в этом… хоккее.

– Я болельщик, – отвечал Андрей. – Это тоже важно.

В конце ноября, когда до отъезда в Москву оставалось меньше месяца, Созинов добился разрешения тренироваться на открытом катке стадиона «Динамо». Лёд был неровный, кое-где виднелись бугры и трещины, но для них это было счастье. Впервые они вышли на лёд в коньках, с самодельными клюшками, и Созинов, наконец, смог увидеть, кто на что способен.

Результат был неутешительным. Игроки, привыкшие к мячу, не могли контролировать шайбу – она выскальзывала, улетала в стороны, подпрыгивала на кочках. Скорость была низкой, падения частыми. Созинов ругался, заставлял повторять одно и то же по десять раз.

– Не спешите! Сначала контроль, потом скорость! Если не научитесь держать шайбу, в Москве нас просто раздавят.

Но были и те, кто схватывал на лету. Коптелов уже мог вести шайбу по прямой, не теряя её, и даже пробовал бросать. Его бросок был несильным, но точным. Логинов, мо-

лодой парень с длинными руками, лучше других катался и быстрее всех менял направление. Вратарь – высокий парень по фамилии Попов – ловил шайбу так, будто всю жизнь только этим и занимался, хотя до этого стоял в воротах только в русском хоккее.

Андрей, когда удавалось вырваться с завода, приходил на стадион и стоял за бортиком, кутаясь в телогрейку. Он запоминал фамилии, движения, ошибки. Дома он пересказывал Анне:

– Коптелов сегодня три шайбы забросил. Правда, это были тренировочные броски, но всё равно. А Попов, вратарь, он вообще железный. Ничего не пропускает.

– Ты бы лучше Серёжу покормил, – отвечала Анна, но в её голосе уже не было прежнего раздражения. Она начинала понимать, что это для Андрея не просто забава.

Инвентарь из Москвы пришёл 19 декабря, за три дня до отъезда. Два больших деревянных ящика доставили на вокзал, и Созинов, едва сдерживая волнение, лично вскрыл их. Внутри лежали клюшки – настоящие канадские, с загнутыми крюками, лёгкие и прочные. Коньки с короткими лезвиями, остро заточенные. Шайбы – чёрные, резиновые, упругие. Шлемы, нагрудники, краги для вратаря.

– Вот это да, – Коптелов взял в руки клюшку, провёл пальцем по крюку. – Совсем другое дело.

– Примеряйте, – Созинов кивнул. – На вокзале будет время привыкнуть. Но главное – в поезде. В Москву едем зав-

тра.

Вечером они собрались в спортзале в последний раз. Созинов выстроил команду, осмотрел каждого.

– Слушайте приказ, – сказал он. – Завтра в шесть утра отправляемся в Москву. Играем 22 декабря на Малой арене стадиона «Динамо». Соперник – ЦДКА. Я не жду от вас чудес. Но я жду, что вы выложитесь на все сто. Мы не должны опозорить Урал.

Игроки молчали. Коптелов сжимал в руке новую клюшку. Логинов переминался с ноги на ногу. Вратарь Попов надел крагу и несколько раз сжал её, привыкая.

– Вопросы есть?

– Нет, – ответили почти хором.

– Тогда по домам. Завтра на вокзале в пять утра.

В ту ночь Анна не спала. Она сидела на кухне, укутавшись в шаль, и смотрела, как Андрей укладывает в вещмешок самое необходимое: смену белья, краюху сала, кружку, ложку. И программку – чистый лист бумаги, который он собирался сохранить после матча.

– Ты правда едешь? – спросила она, хотя знала ответ.

– Правда.

– А Серёжа? Он же спрашивать будет, где отец.

– Скажи, что на работе. Или в командировке. Он маленький, поймёт.

Андрей подошёл к ней, сел рядом. Взял её руки в свои.

– Ты не сердись. Я должен это увидеть. Понимаешь? Это

первый матч в истории страны. Наша команда играет. Я потом расскажу Серёже. И внукам. Это важно.

Анна молчала. Она понимала, но ей было страшно. Не за него – за то, что этот хоккей может стать для него важнее завода, важнее семьи. Но она промолчала.

– Возвращайся, – сказала она.

– Вернусь, – пообещал Андрей.

Поезд уходил из Свердловска в половине седьмого утра. Зимнее солнце ещё не взошло, когда игроки, сгрудившись у вагона, грузили в него ящики с инвентарём и свои нехитрые пожитки. Созинов проверил каждого по списку, убедился, что никто не опоздал, и подал знак проводнику.

Андрей стоял в стороне, наблюдая. Он не был членом команды, но ехал как болельщик – ему удалось договориться с Созиновым, что он присоединится к делегации. Для этого пришлось идти к начальнику цеха, просить отгул, объяснять, зачем ему в Москву. Начальник, бывший фронтовик, посмотрел на него, усмехнулся и махнул рукой: «Езжай. Только вернись с победой».

Вагон был общим, плацкартным. Игроки разместились на полках, кто-то сразу лёг спать, кто-то уставился в окно. Коптелов сел у окна, положил рядом новую клюшку и шайбу – одну из тех, что прислали из Москвы. Он вертел её в руках, взвешивал, рассматривал.

– Феоктист, – окликнул его Логинов, устроившийся напротив. – Ты не спишь?

– Не спится.

– Боишься?

– Чего бояться? – Коптелов усмехнулся. – Мы же не на войну едем.

– На войну не на войну, а соперник – ЦДКА. Там Бобров, Бабич. Легенды.

– И что? – Коптелов повернулся. – Они тоже люди. И шайба у них такая же. Будем играть.

Логинов покачал головой, но спорить не стал.

В купе, где ехал Созинов, горел свет. Капитан в сотый раз перечитывал правила, делал пометки на полях. Он знал, что его команда не готова. Но он также знал, что другого шанса не будет.

Андрей сидел в углу, прислонившись к холодному стеклу, и смотрел, как за окном проплывают заснеженные поля. Он думал о том, что скажет Анне, когда вернётся. О том, как будет рассказывать Серёже. О том, что, возможно, этот день станет началом чего-то большого.

Поезд стучал колёсами, унося их на запад, в неизвестность.

Москва встретила их морозом и суетой. С вокзала их отвезли в казармы на окраине, где они должны были разместиться до матча. Созинов сразу повёл команду на стадион «Динамо» – посмотреть лёд, почувствовать арену.

Малая арена показалась им огромной. Трибуны, хоть и деревянные, вздымались вверх, напоминая амфитеатр. Лёд

был идеальным – гладким, ровным, белым. Коптелов вышел на него, сделал несколько шагов, привыкая. Коньки скользили легко, непривычно легко после уральских катков.

– Ничего, – сказал он Логинову. – Лёд хороший.

– Это не лёд, это зеркало, – ответил тот, оглядываясь.

Созинов разрешил им покататься полчаса, чтобы освоиться. Игроки разбились на пары, гоняли шайбу, пробовали броски. Коптелов, получив пас от Логинова, сделал несколько шагов и бросил – шайба, описав дугу, ударилась в стекло за воротами.

– Сильно, – заметил стоявший у борта Созинов. – Но в матче будет сложнее. Вратарь у них хороший.

– Ничего, – ответил Коптелов. – Найдём щель.

Андрей стоял за воротами, смотрел, как тренируются игроки, и чувствовал, как внутри нарастает волнение. Завтра – матч. Завтра он увидит историю.

Ночь перед матчем выдалась тревожной. Андрей не спал, ворочаясь на жёсткой койке в казарме. Рядом, на соседних кроватях, посапывали игроки. Кто-то бормотал во сне, кто-то скрипел зубами. Коптелов лежал с открытыми глазами, глядя в потолок. Андрей слышал, как он тихо шепчет: «Не спеши, держи шайбу, не спеши…»

Созинов не ложился вовсе. Он сидел в маленькой комнатке при казарме, разложив перед собой листки с правилами и набросками тактики. Перед ним стояла кружка остывшего чая, но он не пил. Он думал о том, что завтра его ребята

выйдут на лёд против лучших хоккеистов страны. ЦДКА – это не просто команда, это кузница чемпионов. Бобров, Бабич, Тарасов… Имена, которые знает вся страна. А у него – двадцать три человека, которые три месяца назад впервые взяли в руки канадские клюшки.

Он достал из планшета пожелтевший листок – фронтовое фото своей роты. Сорок человек. Восемь остались на полях сражений. Он провёл пальцем по лицам, которых уже не было, и прошептал:

– Мы не проиграем. Мы не имеем права.

Утро 22 декабря 1946 года выдалось морозным и ясным. Андрей проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Это был Коптелов, уже одетый в форму, с клюшкой в руке.

– Вставай, – сказал он. – Через два часа матч.

Андрей быстро умылся ледяной водой из умывальника, натянул на себя всё, что у него было: две пары штанов, телогрейку, шапку-ушанку. Он не знал, сколько зрителей будет на трибунах, но знал: ему нужно быть там.

На стадион «Динамо» они приехали за час до начала. Малая арена уже гудела. Люди стояли в очередях у касс, пробивались к входам. Андрей, с трудом протиснувшись сквозь толпу, нашёл место за воротами – там, где обычно стояли самые преданные болельщики. Отсюда было видно всё поле, и отсюда он мог кричать так громко, как хотел.

Разминка. Игроки ЦДКА в красных свитерах катались легко, уверенно, словно по паркету. Среди них Андрей узнал

Всеволода Боброва – высокого, спокойного, с хищным прищуром. Рядом с ним – Евгений Бабич. Но, к удивлению Андрея, оба они в этот день не играли – их не было в заявке. Позже он узнал, что Бобров получил микротравму, а Бабича не поставили из-за тактических соображений. Тогда это казалось удачей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.